* російською мовою *

1

В шестом "А" знали, что Егорка Синюхин во всем слушался Степана Клочко. Егорка даже побаивался своего дружка. Слово Степана было для него законом, В этом уже не раз убеждались. А в последние два дня вот что произошло…

Весь класс после пятого урока уходил на уборку школьного сада. Собрался и Егорка. Сложил книги в свой потертый клеенчатый портфель, привязал к нему сумочку с чернильницей и хотел было идти, как вдруг…

— Егор, одна минута. — Степан, сдвинув на макушку фуражку, вразвалку подошел и остановился против Синюхина.

— Какой был уговор? Забыл? Может, тебе напомнить?

— В сад хотелось пойти, — попробовал оправдаться Егорка и посмотрел на Тамару Березко. Тамара напустилась на Степана.

— Все идут и ты, Клочко, тоже должен пойти. И Егорка… И не вредничай.

Степан Клочко ничего не ответил, даже не взглянул на Тамару, только передернул плечом и медленно пошел к выходу. Шаг у него был твердый, а сам он, коренастый, с короткой крепкой шеей, внушал невольное опасение. У двери он задержался, не оборачиваясь, сказал:

— Егор, пошли! — И направился из класса, уверенный, что Синюхин пойдет за ним. И Егорка, ни на кого не глядя, словно стыдясь своей слабости, покорно поплелся за Клочко.

— Это что же такое? — не унималась Тамара Березко. — Как можно терпеть?

— Он сильный, — сказал Петя Вихряй, курчавый, черноглазый мальчуган, сын школьного сторожа. — Одной рукой восемь кило поднимает.

— Да-а, — неопределенно заметил Боря Синиченко. — Даст один раз — почувствуешь…

— Вы… вы настоящие тюлени! Тамара презрительно оглядела мальчишек. — А я как председатель совета не буду молчать! — Тряхнув рыжеватыми толстыми косичками, она выбежала из класса.

— Тюлени… Ты знаешь, что это такое? — спросил Боря. Петя ничего не ответил.

Под окном собрался почти весь класс. Вышел к ребятам классный руководитель Николай Иванович. Из окна Боря увидел, как учитель спросил что-то у Тамары Березко и, выслушав ее, нахмурился, но ничего, видно, не сказал. Борис догадывался, о ком шла речь, и невольно покраснел, вспомнив, как Тамара резко бросила ему и Пете прямо в лицо обидное слово "тюлени". Но что поделаешь? Не будешь же драться со Степаном. Борис только вздохнул и пошел к выходу, за ним — Петя Вихряй.

2

Тем временем Степан и Егорка подходили к большому одноэтажному дому на одной из тихих улиц, отдаленных от шумного центра города. У высокой железной калитки друзья остановились.

— Одна минута терпения, — сказал Степан и скрылся во дворе. Егорка присел на скамейку, рядом с собой положил портфель с чернильницей.

Узкая улица, с двух сторон густо обсаженная каштанами, напоминала тоннель. Из-за деревьев почти не видно домов. На улице тихо и пустынно. Ни пешеходов, ни машин. Егорка зевнул и от скуки начал выковыривать носком ботинка кирпич из тротуара.

Если бы он решился, то немедленно ушел бы домой — и наплевать на "одну минуту", как он про себя называл Степана Клочко. Может быть, в самом деле, взять и убежать? Но что потом будет? Например, завтра? Послезавтра? Степан не простит ему этого никогда в жизни. Тогда и в школу не показывайся. Клочко такой, что никого в школе не боится, а совета отряда вовсе не признает. Чуть что — сразу обещает рассказать отцу. А отец его, известное дело, начальник водной станции, хозяин всех лодок. Захочет — и не даст лодки. Эх, был бы у Егорки отец, была бы и лодка! У матери много дел и без лодки. С того времени, как принесли извещение из военкомата, она стала больше работать и очень устает. Егорке жаль ее, и разве осмелишься сказать о лодке? Может быть, она уже пришла домой и ждет его, чтобы вместе обедать.

Если бы не Степан, всё было бы по другому… Месяц тому назад Степана перевели к ним в школу, он сел рядом с Егоркой, а когда окончились уроки, домой пошли вместе. На второй день, когда был дождь и за Степаном приехала машина, Егорка поехал с ним. На третий день знакомства они пошли на речку, и Егорка показал Степану рыбные места. После этого, наверно, не нужно было больше ходить, ну, а Егорка пошел снова. У Степана своя лодка, есть у него несколько удилищ, блесна! Ну, как не пойти? Уроки, между тем, откладывались, и вместо обещанных матери четверок в Егоркином табеле появились тройки и даже двойки.

Что-то подсказывало ему: перестань ходить с "одной минутой". Он ненадежный товарищ. Но проходили дни, а Егорка не мог сказать Степану прямо в глаза: "Больше не пойду".

"Пока нет его, убегу", — решает вдруг Егорка, подымается со скамейки и прикрывает калитку. Но в это время появляется Степан. Он что-то дожевывает, губы его и подбородок лоснятся от жира. Степан не обращает никакого внимания на то, что Егорка чем-то расстроен и стоит почти на середине улицы. Степан бросает на скамейку удочки и блесну.

— Это берем с собой. Пошли!

Всю дорогу Егорка молчит. Говорить ему не хочется. И на рыбалке он тоже молча наживляет на рыболовные крючки кусочки вареного мяса, червей, накопанных накануне, подает удочки Степану и, отвернувшись, сидит на камне, почти безучастно следя за поплавком… Рыба сегодня не ловится, Степан сердится на Егорку, будто Егорка виноват в том, что нет никакого клева. Под вечер возвращаются домой. На середине реки Егорка вдруг бросает весла и хмуро с предательской дрожью в голосе говорит:

— Погреби-ка сам…

Лодка идет по течению. Ее легко несет всё дальше и дальше от берега. Степан сидит на передней скамейке и щелкает семечки.

— Шутишь?

— Греби сам.

— Как бы не так. Моя лодка, и я же греби!

— А я не просился с тобой ехать.

Степан бледнеет, нижняя толстая губа с беленькой кожурой от тыквенных семечек отвисает. Маленькие, плоские, как шляпки кнопок, глаза беспокойно бегают. Он опасливо хватается руками за борта.

— Егорка, греби скорей!.. Я же не умею.

Вот это да! Степан Клочко не умеет грести. А хвастается: "У меня лодка, когда захочу — покатаюсь". Ну и хвастун!

Егорка смотрит на Степана и думает: "Я, Егор Синюхин, не такой уже слабенький, вон какую лодку сам веду, и помощь мне не нужна".

Степан сидит молча, настороженно следя за каждым движением товарища. Изредка он вытирает рукавом вспотевший лоб. Уже у самого берега хватает Егорку за руку и больно тянет к себе.

— Ты, смотри у меня! Чтоб последний раз.

Егорка роняет весло, морщится от боли.

— Пусти.

— Для начала — отпущу… А в другой раз попробуешь — пожалеешь.

— Не пожалею! — вырывает руку Егорка и выскакивает из лодки. Размахивая портфелем, быстро шагает по тропке.

— Одна минута! — кричит Степан. — Не забудь, завтра в школе встретимся перед уроками.

Егорка, махнув рукой — ладно, мол, — идет дальше. Скорее бы домой! А завтра… Завтра он рано придет в школу, ему не жалко — пусть Степан списывает задачу…

3

Егорка Синюхин пришел в школу рано. До начала уроков оставалось еще полчаса. Степан Клочко был уже в классе. Спустя несколько минут пришли Тамара Березко и Боря Синиченко. У Бори круглые, красные, как редиски, щеки. Он оживленно рассказывал Тамаре, кто вчера лучше всех работал в школьном саду. Тамара перебила его: зачем рассказывать? Она сама всё знает. Пусть лучше Синиченко покажет, как он решил задачу. Боря ответил: он решил, но показывать не будет.

— Подумаешь, секрет… Я тоже решила, — сказала Тамара. — И ответ точь-в-точь, как в задачнике.

Егорка слушал их и жалел, что вчера не пошел в сад. Испугался Степана. Мог бы сказать ему, как там, на реке: прямо, в глаза. Однако Егорка чувствовал, что не может, не в силах побороть своей робости перед Степаном. Вот и сейчас, если Клочко потребует, Егорка подойдет и покорно отдаст свою тетрадь по арифметике: переписывай, пожалуйста. Хотя переписывать нечего: задачи, как ни бился, решить не мог. Радовался? Нет, радости было мало: ведь не выполнил задания…

Вот Тамара могла бы помочь. Но как подойти к ней, да еще на глазах Степана Клочко?.. Вообще-то он считал: Тамара Березко лучше всех девчонок в школе не потому, что она председатель совета отряда, а просто так. Правда, иногда и нападает за какой-нибудь пустяк, но это ничего. Егорке даже нравится, когда Тамара кричит. Вот хотя бы тогда, когда Егорка взобрался по водосточной трубе на второй этаж и прошел по карнизу от окна к окну. Тамара больше всех сердилась. Нравились Егорке и ее косички — рыжеватые, толстые, с синими лентами; и шапочку она носит красивее всех.

О том, что Тамарка лучше всех девочек в школе, конечно, никто в мире не должен знать. Это Егоркина тайна.

Неделю тому назад Егорка был дежурным. На перемене из класса все вышли, и он написал такую записку: "Тамара, у тебя есть друг, который для тебя всё сделает… Ты лучше всех девочек в нашем классе". Записку он завернул в промокашку и положил в Тамарину парту на "Кортик" Рыбакова.

На уроке физики Егорка не смел оглянуться, он был сам не свой. К счастью, к доске его не вызвали, он наверняка бы схватил двойку, хотя задание он выполнил, знал его, а ответить не сумел бы из-за какой-то непонятной робости.

Уже в конце урока украдкой посмотрел на Тамару. Егорке показалось, что девочка чем-то взволнована, смотрит на учителя и будто не видит его. Так думал Егорка, и сердце его тревожно билось. Наверно, Тамара угадывает, кто написал записку. Сам он никогда и ни за что не признается… Пусть Тамара только знает, что есть на свете такой человек, который… который… Синюхин не знал, что сделал бы для Тамары, но чувствовал — сделал бы много…

Егорка, заметив, как девочка внимательно поглядела на него, невольно задержался. Длилось это недолго; Степан позвал его, и Егорка поспешно пошел дальше.

— Где тетрадь? — спросил Степан шепотом.

— Я… я не решил?

— Не решил?.

— Очень трудная задача.

Между тем, Тамара и Боря вышли из класса. Степан сидел молча, уставившись маленькими глазками в крышку парты. Вдруг он подскочил, словно кто-то ужалил его.

— Тащи сюда тетрадь рыжей команды!

И хотя Егорка знал, что "рыжей командой" Степан называл Тамару, сделал вид, что не понимает, о ком идет речь.

— Скорей, говорю тебе! — Степан угрожающе сжал кулак, и Егорка пошел к Тамариной парте. — Бери тетрадь и в одну минуту к доске… Пиши решение, а я покараулю. Да в уголке пиши. Мельче!

Степан стоял у двери. Егорка выписывал решение задачи. Поминутно оглядываясь на окна, он писал цифру за цифрой, чувствуя, что не выдержит — бросит карандаш и убежит. Но куда убежишь? У двери стоит Степан, окна наглухо закрыты. К счастью, решение оказалось коротким и… очень простым. Если бы он дольше подумал, то, наверно, решил бы. У Егорки дрожал подбородок, руки стали влажными.

Наконец, задача переписана — и Егорка вздохнул с облегчением. Теперь поскорее положить бы тетрадь на место и уйти из класса. Но что это? Розовый, сложенный вдвое листок промокательной бумаги выпал из тетради и плавно опустился на пол. Егорка машинально поднял его, чтобы положить на место. Но листок развернулся и перед глазами отчетливо вырисовалось два слова: "арамат" и "роге". Слова стояли рядом…. Это же его промокашка, та самая, в которую он заворачивал свою записку! И слова написаны его рукой, только их нужно читать наоборот: "Тамара" и "Егор". Значит, Тамара знает, кто написал записку. Еще хорошо, что она никому не сказала: Егорку бы засмеяли. Впрочем, может быть, она не обратила внимания на промокашку?

Сквозь приглушенный гул, доносившийся из коридора, словно издалека он услышал звонок. И тотчас вбежало сразу несколько человек, торопливо застучали крышки парт, упал чей-то портфель….

Егорка, сжал в руке розовый листок и положил в карман.

4

Легкий, едва уловимый шорох прошел по классу. Кого вызовут? Кто будет решать задачу? Ребята сидели тихо, стараясь не шелестеть страницами книг и тетрадей.

Внимательно осмотрев класс, учитель мог безошибочно сказать, кто не выполнил задания. Больше всех волновался Егор Синюхин. Он переложил с места на место задачник, зачем-то сунул его в сумку с книгами, передвинул чернильницу, хотя стояла она точно на середине парты.

Не совсем спокойно вел себя и его сосед Степан Клочко. Он не поднимал глаз от парты, словно что-то разглядывал на ней… Кого же вызвать? Николай Иванович колебался. Впрочем, Степан получил двойку на прошлой неделе и, стало быть, ее нужно исправить. Может быть, он решил задачу? И, правда, Степан не поднимал руки, когда учитель спрашивал, кто не выполнил задания.

Николай Иванович назвал фамилию Клочко.

Степан шел между партами не спеша, хотя, по всему видно, охотно. Тряпкой старательно вытер доску, нечаянно уронил мел. Выглядело это естественно: человек волнуется.

Клочко медлил. Заметив в уголке доски пятнышко, он взялся снова за тряпку.

Николай Иванович терпеливо ожидал. Он умел ожидать. Жизнь научила его. В прошлом офицер разведки, он мог часами в глубоком тылу следить за противником, подвергаясь при этом смертельной опасности. Может быть, именно в те трудные часы у него засеребрились виски, а стальной блеск навеки залег в синих глазах. Улыбаясь уголками губ, Николай Иванович негромко кашлянул, спросил:

— Задачу решил?

— Да, — ответил Клочко.

— Напиши решение.

Клочко взялся за мел. Он ни разу не посмотрел на учителя. Наконец задача решена.

— Сам выполнил задание?

— Сам, — невинно глядя в глаза учителя, ответил Степан. Он ожидал, что его похвалят, но Николай Иванович почему-то молчал. Он заметил, что обычно серьезная Тамара Березко что-то шепчет на ухо своему соседу Пете Вихряю, а тот испуганно таращит глаза и отрицательно машет головой. Тамара сердится. И Егорка поминутно меняется в лице: то краснеет, то бледнеет. Нет, здесь что-то не так. Но что?

— Вихряй, что ты там шепчешь? — строго спрашивает Николай Иванович.

— Я? — вскочил Петя. — Я… ничего.

— Трус ты, — почти вслух говорит Тамара.

Николай Иванович сквозь очки внимательно смотрит на девочку и та, почувствовав на себе взгляд учителя, встает.

— Вы посмотрите в уголок доски…

— А что там?

— Задача там написана.

Николай Иванович нагнулся к доске и, резко выпрямившись, отошел. У его губ появились две глубоко врезавшиеся морщины, будто ему стало очень больно.

В который раз он должен говорить о поведении Степана Клочко. Тот же, словно ничего не случилось, усмехался.

— Чему смеешься?

— Смешно.

Николай Иванович почти вплотную подошел к Степану.

— Смешно, говоришь?

— Вы думаете, я написал на доске задачу?

— Кто же?

Степан обернулся к классу: тридцать пять пар глаз смотрели на его пухлые щеки. Только один не поднимал головы. Это был Егорка. Он сидел на парте, не смея дохнуть.

— Кто же это сделал?

— Егор Синюхин, вот кто. Взял тетрадь у Тамары Березко и переписал…

5

До конца уроков Егорка не выходил из класса, и дежурный Петя Вихряй его не трогал: пусть сидит. Никто к нему на переменах не подходил, он один переживал случившееся. Степан не заговаривал тоже: он словно перестал замечать Егорку, и от этого было еще больнее. Ведь виноват, прежде всего, Степан, он его подбил, почему же ему одному отвечать? Почему считают, что он переписал у Тамары задачу? Егорке стало очень горько.

На последней перемене к Егорке подошла Тамара. Под ее участливым взглядом он опустил голову.

— Я не сержусь на тебя, слышь, Егорка, — тихо сказала Тамара.

— Не сердишься? Правда?

— Честное пионерское. Скажи, как это получилось?.. Ты сам писал?

— Сам, — еле слышно ответил Егорка.

— Ладно, — Тамара внимательно посмотрела своими большими серыми глазами на Егорку, — останешься сегодня на совет отряда.

6

На заседании совета отряда присутствовали Тамара Березко, Борис Синиченко, Петя Вихряй, Игорь Колесниченко. Вожатой Ирины Хорошун не было, она обещала прийти позже, как только вернется из горкома комсомола. Тамара попросила присутствовать на совете отряда классного руководителя. Николай Иванович, конечно, пришел и сидел на первой парте.

Степан и Егорка сидели на разных партах.

Речь шла о случившемся на уроке арифметики, об отказе Степана и Егорки участвовать в уборке школьного сада. На вопрос, почему не пошли в сад, Степан ответил, что у него было срочное дело дома, а про Егора он ничего не знает, тот пошел за ним сам. Все в классе знали, как это было. Спросили Егорку, почему он не пошел в сад.

— Я не хотел.

— Неправда, ты собирался, — заметил Боря Синиченко.

— Никуда я не собирался.

— Мы видели, — сказала Тамара. — Тебя Степан не пустил.

— Нужен он мне больно, подумаешь! — фыркнул Степан.

— Клочко, тебя пока не спрашивают, — сказал Николай Иванович.

Клочко притих, но когда Егорка ответил, что сам писал на доске решение задачи, снова злорадно хмыкнул:

— Ага, видали!

Тамара посмотрела на Степана широко открытыми глазами — так она всегда делала, когда сердилась. Однако тот не обратил на это ровно никакого внимания.

— Ты что-то хотел сказать, Клочко? — спросила Тамара.

— Я? Ничего. — Степан приподнялся, уперся руками в парту. — Я только говорил, что неправильно получается, всё валят на меня… Нужно по-честному рассудить.

— Правильно, по-честному, — сказал Николай Иванович.

Степан с победоносным видом расселся на парте. Вот, мол и учитель за него.

Неужели Егорка действительно виноват?

Николай Иванович подошел к Егорке, положил на плечо руку. Егорка понимает — учитель хочет ободрить, словно просит быть сильнее, смело рассказать обо всем, что нужно.

— Скажи нам, как всё было, — просит, а не спрашивает учитель.

— Ну, Егорка, — шепчет сухими губами Тамара.

— Скажи, — волнуется Боря Синиченко.

Петя Вихряй, не отрываясь, смотрит на Егорку: "Ну, скажи хоть слово".

— Трус он, ваш Егорка, — бросил, как ударил по лицу, Степан.

Егорка поднимает голову и встречает ободряющий, теплый взгляд Тамары.

— Он говорит, что я трус. — Егорка не смотрит на Степана. — Мне стыдно, потому я молчал… Я бы никогда не взял Тамарину тетрадь… Честное пионерское! Он… меня заставил.

Лицо Егорки краснеет, капельки пота собираются на висках и верхней губе.

— И на речке. Каждый раз я должен грести, пусть сам попробует. Он всё хвастается, а грести не умеет… И вообще я больше с ним на речку не пойду!.. И дружить с ним не буду! — голос Егорки становится звонче, будто в нем стальные струны появились. — Обманщик он.

В классе стоит тишина. Николай Иванович сурово смотрит на растерявшегося Степана. Тот, видимо, не ожидал такого от тихони, каким считал Егорку. Тамара кивает головой, словно подтверждает каждое слово товарища. И другие члены совета одобряют слова Егорки.

— Что скажет совет отряда? — спрашивает после небольшой паузы Тамара.

— Может быть, на первый раз Егору Синюхину простить, — предлагает учитель.

— Простить!.. Простить! — подхватывают Боря Синиченко и Петя Вихряй.

— А как быть с Клочко? — Учитель смотрит на членов совета.

— Клочко сделать выговор перед строем отряда и сообщить его родителям, — предлагает Тамара.

Совет так и решает.

Из школы выходят вместе. Только Степана Клочко нет: обиженный на всех, он первым покинул класс.

— Ничего, пусть подумает на досуге, — говорит ребятам Николай Иванович и прощается: ему повернуть за угол — и он дома.

Уходят своей дорогой Боря Синиченко и Игорь Колесниченко. Тамара и Егорка остаются одни.

— Ты, Егорка, теперь смотри, не поддавайся ему, — говорит Тамара.

— Я?.. Ни за что!

— Хочешь, Егорка, будем вместе заниматься?.. По арифметике?

— Да я что… Я бы хотел.

— Так ты приходи к нам домой, ладно? — Тамара внимательно смотрит на Егорку. И трудно сказать: знает она, кто написал записку или нет… Впрочем это тайна, и он никогда никому о ней не скажет.